

САЯПИН С.

**ответственный за программу для академических кругов
Регионального представительства Международного
Комитета Красного Креста (МККК) в Центральной Азии,
докторант кафедры германского и международного
уголовного права, уголовного процесса и современной
истории права Берлинского университета им. Гумбольдта**

РАЗВИТИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

На первой Обзорной конференции государств – участников Римского статута Международного уголовного суда (Уганда, июнь 2010 года) было принято определение преступления агрессии для целей Статута. Представляется, что, будучи совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, новое определение также должно учитывать и основные подходы к формулированию преступления агрессии в рамках национальных правовых систем, с тем, чтобы со временем обрести признание большинства государств, участвующих в Римском статуте. Очевидно, что государства могут воздержаться от признания международного определения преступления агрессии, если оно окажется несовместимым по существу с их подходами к составу данного преступления, отраженными в их соответствующих национальных законодательных актах. В данной статье предлагается обзор избранных национальных норм, посвященных преступлению агрессии, действующих в государствах – участниках Римского статута, и анализируются различные модели имплементации международного определения преступления агрессии в соответствующих контекстах.

Не вызывает сомнений, что определение преступления агрессии относится к числу наиболее сложных вопросов современного международного права¹. После Нюрнбергского (1945 – 1946 гг.) и Токийского (1946 – 1948 гг.) процессов концепция «преступлений против мира» утвердилась в международном праве как таковая,² но вплоть до 1998 года в международном дого-

¹ См., например: A. Cassese, «On Some Problematical Aspects of the Crime of Aggression», 20 Leiden Journal of International Law (2007), стр. 841 – 849; C. Kress, «The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute», там же, С. 851–865; N. Blokker, «The Crime of Aggression and the United Nations Security Council», там же, С. 867–894.

² См.: G. Werle, Principles of International Criminal Law, 2nd edition (TMC Asser Press, 2009), – С. 481–484.

ворном праве не ставился вопрос об индивидуальной уголовной ответственности лиц, ответственных за агрессивные войны или иные преступления против мира, несмотря на значительное число международных вооруженных конфликтов, которые имели место после Второй мировой войны¹. Вначале предполагалось отложить решение этого вопроса до формулирования международно-правового определения агрессии в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, которое стало возможным только в 1974 году – с принятием резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, насколько ограниченной ни была бы ее юридическая сила². Затем, в 1998 году, упоминание о преступлении агрессии было включено в юридически обязательный и потенциально универсальный международный договор – Римский статут Международного уголовного суда, – но на Дипломатической конференции полномочных представителей не удалось сформулировать ни состав преступления, ни процессуальные условия осуществления Судом юрисдикции в его отношении, и эти вопросы были поручены Подготовительной комиссии Международного уголовного суда (1998 – 2002 гг.), а впоследствии – Специальной рабочей группе по определению преступления агрессии (2002 – 2009 гг.)³.

11 июня 2010 года на 13-м пленарном заседании первой Обзорной конференции государств – участников Римского статута Международного уголовного суда было принято следующее определение преступления агрессии, воплощенное в статье 8 bis («Преступление агрессии») Римского статута⁴:

1. Для целей настоящего Статута «преступление агрессии» означает планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций.

2. Для целей пункта 1 «акт агрессии» означает применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций. Любое из следующих действий, независимо от объявления

¹ См. обзор 160 международных и немеждународных вооруженных конфликтов, имевших место в период с 1945 по 1985 гг. в издании: U. Borchardt et al., *Die Kriege der Nachkriegszeit* (1986), С. 68.

² М. С. Bassiouni and B. B. Ferencz, «The Crime against Peace and Aggression: from Its Origins to the ICC», in М. С. Bassiouni (ed.), *International Criminal Law*, 3rd edition (Leiden, Martinus Nijhoff Publishers, 2008), том I, С. 207–242, в особенности, С. 227.

³ См.: S. Sayapin, «The Definition of the Crime of Aggression for the Purpose of the International Criminal Court: Problems and Perspectives», in 13 *Journal of Conflict and Security Law* (2008), issue 2, С. 333–352, в особенности С. 334–335, прим. 9

⁴ См. официальный документ: RC/Res. 6 (advance version, 30 June 2010), С. 2–3.

войны, будет квалифицироваться в соответствии с резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1974 года в качестве акта агрессии:

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;

б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

с) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

д) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

е) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;

ф) действие государства, позволяющее, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или его значительному участию в них.

В статье 8 bis Римского статута сведены воедино элементы трех основных подходов к определению преступления агрессии для целей международного уголовного права. С одной стороны, в пункте 1, в котором перечислены четыре формы соучастия в преступлении агрессии (планирование, подготовка, инициирование или осуществление) отражена так называемая «Нюрнбергская и Токийская модель». Однако, вторая часть того же пункта содержит существенное отступление от Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, поскольку она не ограничивает феномен агрессии «агрессивными войнами», но криминализирует индивидуальное участие соответствующих лиц в совершении «грубы[х] нарушени[й] Устава Организации Объединенных Наций». Таким образом, пункт 1 по существу сопрягается со статьей 2(4) Устава Организации Объединенных

Наций¹, и «центр тяжести» определения смещается с относительно узко сформулированной «Нюрнбергской и Токийской модели» к юридически более основательному режиму правового регулирования в соответствии с Уставом. Далее, в пункте 2 прямо упоминается резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1974 года, и там же воспроизводится содержание статьи 3 Приложения к ней, но уже в качестве содержания самой статьи 8 bis. Соответственно, этот третий элемент расширяет сферу применения новой нормы международного права, по сравнению с «Нюрнбергской и Токийской моделью», которая предполагала осуществление уголовного преследования высших должностных лиц нацистской Германии и Японии за их роль в масштабной *агрессивной войне* (а не *акте агрессии*). С другой стороны, в силу их включения в текст статьи 8 bis нормы Приложения к резолюции 3314 (XXIX), представляющие собой «мягкое право» – Международный суд прямо признал нормой международного обычного права только подпункт (g)², – обрели юридически обязательный характер международного договорного права. Таким образом, цель нового определения заключается в том, чтобы охватить как можно больше возможных агрессивных проявлений поведения государств и предоставить Международному уголовному суду юрисдикцию в отношении максимально широких пределов индивидуального поведения («планирование, подготовка, инициирование или осуществление»), приводящего к совершению акта агрессии любым государством – участником Римского статута либо государством, не участвующим в Статуте, против любого государства-участника.

В настоящей статье рассматриваются избранные положения актов национального законодательства, посвященных преступлению агрессии – и иным смежным с ним преступлениям, поскольку отдельные элементы его состава могут присутствовать в составах других преступлений, – действующих в 25 государствах – участниках Римского статута, представляющих различные географические регионы (в соответствии с классификацией МУС)³, с целью обобщения законодательных подходов к криминализации преступления агрессии в этих государствах. Такой сравнительный анализ новой нормы Римского статута с действующими нормами национального уголовного права представляется полезным для целей установления

¹ См.: Устав ООН, статья 2(4): «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

² *Nicaragua v. USA*, ICJ, Judgment of 27 June 1986 (Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua), ICJ Rep. 1986, 14, абзацы 106 и далее.

³ См. перечень государств – участников Римского статута Международного уголовного суда по адресу: <http://www.icc-cpi.int/Menus/ASP/states+parties/> (последнее посещение – 22 октября 2010 года). По состоянию на 18 августа 2010 года, в Римском статуте участвуют 113 государств.

различий между международно-правовым определением преступления агрессии и соответствующими национальными правотворческими моделями и определения путей приведения национальных моделей в соответствие с новой международно-правовой моделью. В то время как двадцать пять избранных для анализа государств – участников Римского статута действительно не представляют собой большинства в Ассамблее государств – участников, они являются достаточно репрезентативной группой для того, чтобы предложить разумные выводы о совместимости превалирующих национальных правотворческих моделей с международно-правовым определением преступления агрессии. Также представляется, что данный анализ внесет определенный вклад в определение приоритетов в сфере имплементации международного уголовного права в рамках каждой из соответствующих национальных моделей, в целях обеспечения наилучшей степени комплементарности между национальными и международной системами уголовной юстиции.

В рамках каждой модели анализируются материальные и ментальный элементы преступления, и рассматриваются возможные форматы взаимодействия между соответствующими национальными нормами и нормой международного права, формулирующей состав преступления агрессии. В отношении каждой национальной модели предлагаются рекомендации по приведению ее в соответствии с международным правом.

1. «Нюрнбергская и Токийская модель». Статья 6(а) Устава Нюрнбергского трибунала, который прилагался к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 года, криминализировала преступления против мира, «а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий». Данное положение являлось, на тот момент, инновационным, поскольку оно (1) криминализировало индивидуальное поведение, которое до тех пор оставалось фактически безнаказанным, и (2) было рассчитано на применение к высокопоставленным политическим и военным лидерам нацистской Германии, тем самым подчеркивая недопустимость ссылки на их должностное положение. Наиболее существенным юридическим основанием концепции «преступлений против мира» был Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики 1928 года (в котором участвовали все государства, существовавшие на тот момент, кроме Аргентины, Боливии, Эль-Сальвадора и Уругвая), ограничить применимость которого желал Советский Союз – путем введения в текст статьи 6(2) оговорки «европейскими странами оси». По некоторым свидетельствам, подобного ограничения применимого права удалось избежать благодаря успешной аргументации судьи Джексона о

том, что запрет агрессии является универсальным и применяется на равных основаниях ко всем государствам, включая Соединенные Штаты Америки¹.

Как отмечают профессора М. Шериф Бассиуни и Бенджамин Ференц, в 1945 году – и даже позже, когда Генеральная Ассамблея одобрила в 1950 году Нюрнбергские принципы², – значение термина «агрессия» не было однозначным³, и это отсутствие ясности проявляется в статье 6(а). Из статьи 6(а) следует, что *агрессивная война*, имеющая место в результате определенных индивидуальных деяний (планирование, подготовка, развязывание или ведение), представляет собой лишь один из трех типов преступлений против мира, подпадавших под юрисдикцию Трибунала. Иными словами, дословное толкование Устава предполагает, что агрессивная война не есть суть то же самое, что и война в нарушение международных договоров или участие в общем плане или заговоре, направленных к развязыванию межгосударственных войн любого из указанных двух типов⁴. Однако, эта, на первый взгляд, ясная классификация фактически вызывала вопросы – ведь ни Устав, ни приговор Трибунала не содержали детального определения «агрессивной войны». Правда, в приговоре имелись указания на юридические факты, которые могли представлять собой практические примеры агрессии: таковой, например, следовало считать нападение Германии на Советский Союз «без какого бы то ни было предупреждения и без тени юридического оправдания»⁵. Иными словами, по мнению Трибунала, признаками агрессивной войны являлись отсутствие ее объявления, а также отсутствие достаточного юридического основания для ее развязывания. Однако, данный вывод является корректным только отчасти⁶. Из первой части статьи 6(а) следует, что еще одно отличие агрессивной войны от войны второго типа, криминализируемой в соответствии с Уставом, заключается в отсутствии «международных договоров, соглашений или заверений» между государством, совершившим нападение, и государством, на которое нападение было совершено, поскольку существование таких договоров или договоренностей автоматически помещало бы войну, о которой идет речь,

¹ Report of Robert H. Jackson, United States Representative to the International Conference on Military Trials (U.S. Government Printing Office, 1949), стр. vii – viii

² См. резолюцию 380(V) Генеральной Ассамблеи ООН.

³ М. Cherif Bassiouni, B. B. Ferencz, см. выше, прим. 4, С. 213.

⁴ См.: Nazi Conspiracy and Aggression: Opinion and Judgment (Office of the United States Chief of Counsel for Prosecution of Axis Criminality, 1947), в особенности, С. 16-56.

⁵ Там же, С. 45.

⁶ В этой связи, может возникнуть вполне объяснимый вопрос: насколько возможно – теоретически – было бы избежать квалификации войны таких масштабов и жестокости, как Вторая мировая война, в качестве агрессивной войны, если бы она была «должным образом» (по смыслу применимых Гаагских конвенций) объявлена и юридически мотивирована? Поскольку ответ на такой вопрос был бы однозначно отрицательным, следует сделать вывод, что обстоятельное определение агрессии, если бы такое было разработано для целей Нюрнбергского трибунала, должно было бы включать другие – или дополнительные – дефиниционные элементы.

во вторую категорию преступлений против мира¹. Как отметил Трибунал в своем приговоре, к числу соответствующих договоров относились Гаагские конвенции, Версальский договор, договоры о взаимных гарантиях², арбитраже и ненападении³, а также Пакт Бриана-Келлога⁴. Поскольку большинство государств, существовавших на тот момент, включая – в любом случае – европейские государства, которые подверглись нападениям со стороны Германии, участвовали хотя бы в одном (или в нескольких) из указанных выше договоров, формальное различие между «агрессивными войнами» и «войнами в нарушение международных договоров, соглашений или заверений», отраженное в Уставе, представляется еще более искусственным. Если, по мнению Трибунала, агрессивной войной следовало считать войну «без тени юридического оправдания», любое разумное «оправдание» ведения войны против любого государства должно было быть основано на одном из указанных выше договоров. Но поскольку Германия не была в состоянии предложить такого разумного оправдания, при этом не нарушив договора, следует сделать вывод о том, что различие, отраженное в первой части статьи 6(а), было в значительной степени искусственным, и без него можно было обойтись, либо о том, что любая «агрессивная война» в том контексте, на самом деле, одновременно была и войной «в нарушение международных договоров, соглашений или заверений», и указанное различие потому не имело практического значения. Следовательно, указанные дефиниционные элементы имели бы больше смысла, если бы они применялись совместно, а не в качестве альтернатив.

В свою очередь, статья 5(а) Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока содержала похожую, но несколько более широко сформулированную норму: «Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или заверения, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий». Однако, в отличие от Нюрнбергского трибунала, Токийский процесс подвергался существенной критике даже «изнутри». В своем особом мнении судья от Индии Радхабинод Пал (1886 – 1967 гг.) прямо назвал Трибунал

⁶ Трибунал воздержался от рассмотрения вопроса о том, какие из агрессивных войн против 12 государств были в то же время войнами в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, поскольку был удовлетворен выводом о том, что «ряд подсудимых планировали и вели агрессивные войны... и потому виновны в преступлениях данного типа». См.: *Nazi Conspiracy and Aggression: Opinion and Judgment*, см. выше, прим. 13, С. 46.

¹ К числу таковых следует отнести, в особенности, Локарнские договоры, заключенные в 1925 году между Германией и, соответственно, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией.

³ Договоры о ненападении были заключены в 1939 году между Германией и, соответственно, Данией и Советским Союзом.

⁴ См.: *Nazi Conspiracy and Aggression: Opinion and Judgment*, см. выше, прим. 13, С. 46–48.

опасным проявлением «правосудия победителей»¹ и подверг критике юридические основания (как процессуальные, так и материальные) деятельности Трибунала как несовместимые с международным правом:

При установлении правил доказывания для настоящего процесса² Устав практически отверг все процессуальные нормы, разработанные в различных национальных системах права, основанные на судебном опыте и традициях, которые могли бы оградить Трибунал от ошибочного убеждения...³ Будучи органом правосудия, мы никоим образом не должны вести себя так, что оправдывало бы ощущение, что Трибунал был создан исключительно для достижения цели, по сути являющейся политической, хотя и облаченной в одеяние юридической внешности⁴.

Судья Пал также выразил сомнение в отношении юридической состоятельности обвинения в «планировани[и], подготовк[е], развязывани[и] или ведени[и] объявленной или необъявленной агрессивной войны»⁵, отметив «в целом превалирующее поведение государств в международной жизни»⁶. Он также был единственным членом Трибунала, поставившим вопрос о квалификации ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года в качестве нарушения права войны союзниками. По понятным причинам, особое мнение судьи Пала не было оглашено в ходе процесса и впоследствии не цитировалось часто.

Несмотря на существенные недостатки – такие, как ограничение пределов криминализации исключительно масштабными агрессивными войнами, отсутствие недвусмысленного определения агрессивной войны

¹ Для целей объективности следует отметить, что, по мнению ряда исследователей, само особое мнение судьи Радхабинода Пала не было свободно от политической ангажированности. В пользу этого говорят симпатии судьи Пала в адрес Индийской национальной армии (INA), которая сотрудничала с Японией в целях освобождения от британской колонизации. См.: T. Brook, «The Tokyo Judgment and the Rape of Nanking», 60 *The Journal of Asian Studies*, No. 3 (August 2001), С. 673–700.

² Статья 13(а) Устава Токийского трибунала гласит: «Трибунал не должен быть связан техническими правилами предоставления доказательств. Трибунал установит и будет применять возможно более быструю и неосложненную формальностями процедуру и будет допускать любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную ценность. Допустимы как доказательства все признания и заявления подсудимых».

³ «Judgment of Mr Justice Pal, Member from India», воспроизведено в издании: B. V. A. Röling and C. F. Rüter (eds.), *The Tokyo Judgment. The International Military Tribunal for the Far East (I.M.T.F.E.)*, 29 April 1946 – 12 November 1948 (APA – University Press Amsterdam BV, 1977), том II, С. 629.

⁴ Там же, С. 1037.

⁵ Упоминание «объявленной агрессивной войны» в статье 5(а) Устава Токийского трибунала представляет собой еще одну юридическую проблему: в соответствии с Гаагской конвенций (III) 1907 года, объявление войны было правомерным институтом. Следовательно, Токийский трибунал проявил непоследовательность и в том, что он обращался к одной части «Гаагского права», чтобы доказать обычно-правовую природу составов военных преступлений, перечисленных в статье 5(б) Устава Трибунала, и в то же время отвергал институт «Гаагского права», касавшийся открытия военных действий между государствами.

⁶ См.: B. V. A. Röling and C. F. Rüter (eds.), *The Tokyo Judgment...*, см. выше, прим. 22, С. 1035.

в соответствующих источниках международного права и недостаточно ясное различие между «агрессивными войнами» и «войнами в нарушение международных договоров, соглашений или заверений» – Нюрнбергская и Токийская модель определения преступления агрессии (и иных преступлений против мира) оказала существенное воздействие на многие национальные акты уголовного законодательства. Из 25 национальных уголовных кодексов и законов, рассмотренных в рамках настоящего исследования, семь – чуть менее трети – можно отнести к этой категории. Определяющим основанием данной классификации является непосредственное применение термина «агрессивная война» в формулировке состава преступления и упоминание одной или нескольких стадий совершения преступления. Так, в соответствии с исходными нормами Уставов Нюрнбергского и Токийского трибуналов, статья 404 Уголовного кодекса Грузии¹ и статья 395 Уголовного кодекса Таджикистана² криминализируют все четыре стадии совершения преступления.

Статья 72 Уголовного кодекса Латвии криминализирует планирование, подготовку, развязывание и ведение агрессивной войны и упоминает, кроме этого, участие в заговоре с целью совершения указанных преступлений³, что представляет собой самостоятельное преступление по смыслу ряда национальных уголовных законов (см. ниже). Статья 117 Уголовного кодекса Польши охватывает три элемента Нюрнбергской и Токийской модели (подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны), а также публичные призывы к агрессивной войне⁴.

¹ См.: Уголовный кодекс Грузии, статья 404 («Подготовка или ведение агрессивной войны»):
«1. Планирование или подготовка агрессивной войны, – наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет.

2. Развязывание или ведение агрессивной войны, – наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет или бессрочным лишением свободы».

² См.: Уголовный кодекс Таджикистана, ст. 395 («Агрессивная война»):

«1. Планирование или подготовка агрессивной войны, – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

2. Развязывание или ведение агрессивной войны, – наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с конфискацией имущества».

³ См. Уголовный кодекс Латвии, статья 72 («Преступления против мира»): «Преступления, совершенные против мира, то есть планирование, подготовка вооруженной агрессии, развязывание ее, участие в ней, ведение агрессивной войны с нарушением обязательных для Латвийской Республики международных договоров, участие в заговоре с целью совершения упомянутых в данной статье преступлений, – наказываются пожизненным заключением или лишением свободы на срок от трех до двадцати лет».

⁴ См.: Уголовный кодекс Польши, статья 117:

«1. Кто развязывает или ведет агрессивную войну, подлежит наказанию лишением свободы на срок не менее 12 лет, наказанию лишением свободы на срок в 25 лет либо наказанию пожизненным лишением свободы.

2. Кто совершает приготовление к преступлению, предусмотренному в § 1, подлежит наказанию лишением свободы на срок не менее 3 лет.

3. Кто публично призывает к развязыванию агрессивной войны, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет».

В свою очередь, статья 442 Уголовного кодекса Черногории¹ и статья 386 Уголовного кодекса Сербии² прямо охватывают только два вида преступного поведения (призывы или подстрекание к агрессивной войне и отдачу приказа к ведению агрессивной войны), причем только один из них может быть отнесен к Нюрнбергской и Токийской модели в строгом смысле. Хотя ни Устав Нюрнбергского трибунала, ни Устав Токийского трибунала не упоминают «отдачу приказа», представляется, что значение данного термина можно в разумной степени приравнять к значению термина «развязывание».

Хотя статья 80 Уголовного кодекса Германии упоминает лишь подготовку к агрессивной войне,³ можно предположить, что она также охватывает, как минимум, планирование такой войны – хотя эта более ранняя стадия процесса не упоминается непосредственно, – поскольку вряд ли подготовка возможна без предварительного или параллельного планирования. Представляется, что развязывание и ведение агрессивной войны также может охватываться этим положением, при условии, что такая война фактически развязывается и имеет место.

Представляется, что отношение государств, в уголовных законодательствах которых отражена «Нюрнбергская и Токийская модель», к определению преступления агрессии, принятому для целей Римского статута, может быть достаточно сдержанным, если они не решат изменить свою уголовную политику. Их подход к пресечению преступления агрессии основан на толковании этого термина в узком смысле, предполагающем масштабные (и, вероятно, продолжительные) агрессивные войны. В статье 8 bis указано, что Международный уголовный суд будет обладать юрисдикцией только в отношении преступлений, сопряженных с «акт[ами] агрессии, которы[е] в силу своего характера, серьезности и масштабов явля[ются] грубым[и] нарушени[ями] Устава Организации Объединенных Наций». Однако, при этом следует иметь в виду, что некоторые примеры, приведенные в пункте 2

¹ См.: Уголовный кодекс Черногории, статья 442 («Агрессивная война»):

«1. Кто призывает или подстрекает к агрессивной войне, подлежит наказанию лишением свободы на срок от двух до двенадцати лет.

2. Кто отдает приказ к ведению агрессивной войны, подлежит наказанию лишением свободы на минимальный срок в десять лет или тюремным заключением на срок в тридцать лет».

² См.: Уголовный кодекс Сербии, статья 386 («Агрессивная война»):

«1. Кто призывает или подстрекает к агрессивной войне, подлежит наказанию лишением свободы на срок от двух до двенадцати лет.

2. Кто отдает приказ к ведению агрессивной войны, подлежит наказанию лишением свободы на минимальный срок в десять лет или тюремным заключением на срок от тридцати до сорока лет».

³ См.: Уголовный кодекс Германии, статья 80 («Подготовка агрессивной войны»): «Кто подготавливает агрессивную войну (ст. 26, абз. 1 Основного закона), в которой должна участвовать Федеративная Республика Германии, и создает тем самым опасность войны для Федеративной Республики Германии, наказывается пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок не менее десяти лет».

статьи 8 bis (в особенности, в подпунктах (a) – вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства, (b) – бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства и (d) – нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства), относятся к актам, которые могут быть осуществлены достаточно быстро. Хотя государства, против которых имело место масштабное применение силы, скорее всего, будут рассматривать такое применение силы как агрессию, независимо от его продолжительности (как было, например, в августе 2008 года, когда Грузия заявила о том, что применение Россией силы в Южной Осетии представляло собой агрессию), следует полагать, что «Нюрнбергская и Токийская модель» охватывает, в первую очередь, масштабные и продолжительные агрессивные войны. Кроме того, в отсутствие соответствующих указаний в нормах национального права, неясно, чью компетенцию констатировать наличие агрессивной войны должны признавать государства – их собственную, Совета Безопасности Организации Объединенных Наций¹ или другого международного органа, – с тем, чтобы можно было начать уголовное преследование на национальном уровне. Следовательно, государства, решая вопрос о признании нового определения, по всей вероятности, должны будут дополнить свои национальные законодательства соответствующими положениями относительно юрисдикции и уголовного процесса.

2. **«Модель территориальной неприкосновенности или политической независимости».** Нормативным источником данного подхода к криминализации применения силы в межгосударственных отношениях является статья 2(4) Устава Организации Объединенных Наций². Статья 2(4) прямо упоминает в числе охраняемых ею интересов «территориальную неприкосновенность или политическую независимость любого государства» и дополнительно ссылается на «Цели Объединенных Наций», из которых могут проистекать другие соответствующие охраняемые интересы. Представляется, что данная модель является не менее авторитетной, нежели «Нюрнбергская и Токийская модель», поскольку в ее основе лежит императивная норма международного права, отступления от которой не допускается³. В то время как «Нюрнбергская и Токийская модель» основана на

¹ Следует иметь в виду, что в период с 1946 по 1986 год, когда имели место десятки вооруженных конфликтов, Совет Безопасности использовал термин «агрессия» лишь в отношении Израиля и Южной Африки и констатировал не более семи «угроз международному миру и безопасности». См.: M. Koskenniemi, «The Place of Law in Collective Security», (1996) 17 Michigan Journal of International Law, C. 455-490, в особенности, C. 458.

² См. выше, прим. 7.

³ См.: A. Orakdelashvili, *Peremptory Norms in International Law* (Oxford University Press, 2006), – C. 50-51.

международном праве, действовавшем до вступления в силу Устава Организации Объединенных Наций, эта вторая модель основана на принципе Устава Организации Объединенных Наций и, в этом смысле, вносит вклад в достижение важной цели современного мирового порядка, т.е., в дело поддержания международного мира и безопасности.

В нормах национальных уголовных законов, относящихся к этой модели, как правило, «агрессия» не упоминается. Их ключевой категорией является обеспечение «независимости» и «неприкосновенности» соответствующего государства в контексте таких угроз, как «подчинение», «война», «зависимое положение», «иностранный контроль» и иные аналогичные обстоятельства. В рамках этой модели пределы преступного поведения существенно шире, нежели в контексте «Нюрнбергской и Токийской модели»: для наступления уголовной ответственности нет необходимости в констатации «агрессивной войны», поскольку состав преступления заключается в содействии физическим лицом осуществлению враждебного акта (такого, как «применение силы») против охраняемых интересов государства либо в покушении на совершение такого деяния или в угрозе совершить его. В некоторых национальных уголовных законах в качестве проявления преступной враждебности квалифицируется даже экономическое давление. Круг возможных субъектов преступления зачастую включает как собственных граждан государства, так и иностранных граждан.

Из 25 рассматриваемых национальных уголовных законов данной моделью охватываются пять. Статья 214 Уголовного кодекса Аргентины описывает субъекта преступления как «любое лицо, обязанное служить Нации в силу осуществления им публичной функции»;¹ данным положением охватываются как гражданские, так и военные должностные лица. В свою очередь, статья 215 криминализирует деяния, «направленные на полное или частичное подчинение Нации иностранному владычеству или создающие угрозу ее независимости или неприкосновенности», а также «призывающие или позволяющие иностранной державе вести войну против Республики»².

¹ См.: Уголовный кодекс Аргентины, статья 214: «Любой аргентинец или лицо, обязанное служить Нации в силу осуществления им публичной функции, которое обращает против нее оружие, объединяет усилия с ее врагами или оказывает им какую-либо помощь, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати пяти лет или пожизненным заключением и, в любом случае, пожизненной абсолютной дисквалификацией, если иное не установлено другими положениями настоящего Кодекса».

² См.: Уголовный кодекс Аргентины, статья 215: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное предыдущей статьей, в следующих случаях наказывается пожизненным заключением:

1. когда оно совершает деяние, направленное на полное или частичное подчинение Нации иностранному владычеству или создающие угрозу ее независимости или неприкосновенности;
2. когда оно призывает или позволяет иностранной державе вести войну против Республики».

Статья 150 Уголовного кодекса Боснии и Герцеговины¹ криминализирует поведение собственных и иностранных граждан, совершающих посягательство на целостность территории Федерации. Статья 150 не содержит прямого упоминания политической независимости – другого охраняемого по смыслу статьи 2(4) Устава Организации Объединенных Наций интереса, – но представляется, что она также охраняется статьей 150, поскольку сложно представить себе отделение части территории государства или присоединение ее к другому субъекту без посягательства на политическую независимость территории, о которой идет речь. В свою очередь, статья 151² криминализирует попытки граждан Боснии и Герцеговины поместить ее в положение подчиненности или зависимости от другого государства – деяния, по существу являющиеся внутrigосударственными, но сопряженные с насильственными попытками извне оказать воздействие на суверенитет государства.

Статья 1 Главы 12 Уголовного кодекса Финляндии,³ в целом, также соответствует статье 2(4) Устава, поскольку ее пункты (1) и (2) охраняют территориальную неприкосновенность, а пункт (3), – криминализирующий «ограничение суверенитета Финляндии иным способом сравнимой степени серьезности», – охватывает политическую независимость как составной элемент суверенитета. Следует отметить, что наряду с военными средствами в данной статье в числе преступных средств воздействия на суверенитет Финляндии также указано «экономическое давление», – что представляет собой отступление от превалирующего толкования термина «сила», используемого в статье 2(4) Устава⁴.

¹ См.: Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины, статья 150 («Создание опасности для территориальной целостности Федерации»): «Лицо, с применением силы или угрозы силой совершающее попытку отделить часть территории Федерации или присоединить часть ее территории к другому субъекту, наказывается лишением свободы на срок не менее пяти лет».

² См.: Уголовный кодекс Боснии и Герцеговины, статья 151 («Помещение Федерации в положение подчиненности или зависимости»): **«Гражданин Федерации, совершающий попытку поместить Федерацию в положение подчиненности или зависимости от другого государства, наказывается лишением свободы на срок не менее пяти лет».**

³ См.: Уголовный кодекс Финляндии, Глава 12 («Преступления, связанные с изменой»), статья 1 («Посягательство на суверенитет Финляндии»):

«Лицо, действующее с применением силы или угрозы силой или путем оказания военного или экономического давления либо при поддержке иностранного государства с целью:

(1) помещения Финляндии или части Финляндии в зависимость от власти иностранного государства;

(2) отделения части Финляндии от остальной территории; или

(3) ограничения суверенитета Финляндии иным способом сравнимой степени серьезности, – совершающее деяние, создающее опасность достижения указанных целей, наказывается лишением свободы за посягательство на суверенитет Финляндии на срок от одного до десяти лет».

⁴ Хотя сама статья 2(4) не содержит квалификации термина «сила», такой вывод можно сделать из других соответствующих положений Устава (например, искомая квалификация содержится в статьях 41 и 46), из Декларации о принципах международного права 1970 года, а также из рабочих материалов к Уставу: например, известно, что 6 мая 1945 года в ходе конференции

Статья 83 Уголовного кодекса Норвегии¹ содержит похожее определение состава преступления. Однако, она прямо квалифицирует примеры возможных способов совершения преступления в качестве «неправомерных» и предполагает две альтернативных санкции, значительно более строгих, нежели санкции, указанные в соответствующей норме Уголовного кодекса Финляндии.

Наконец, статья 266(1) Уголовного кодекса Швейцарии² упоминает посягательство исключительно на независимость Конфедерации или создание опасности для нее. Выбор независимости в качестве исключительного охраняемого интереса – и смысловой акцент на нем – вероятно, связаны с постоянным нейтралитетом Швейцарии. Данное положение криминализирует внутрисовременные и внешние воздействия на независимость Конфедерации и предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на двадцать лет³. Вторая часть статьи 266⁴ криминализирует вступление в отношения с иностранным правительством или его агентами с целью развязывания войны против Конфедерации, и, в этом смысле, она практически аналогична статье 215(2) Уголовного кодекса Аргентины.

Представляется, что данная модель в достаточной мере совместима со статьями 8 bis Римского статута, и государства – участники Статута, принявшие эту модель, в целом, должны быть готовы признать новое определение преступления агрессии. В то время как статья 8 bis не охватывает угрозу применения военной силы или экономическое давление, но лишь «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого госу-

в Сан-Франциско Бразилия выступила с предложением распространить запрет применения силы на экономическое принуждение, и это предложение было недвусмысленно отклонено. См.: A. Randelzhofer, «Article 2(4)», in B. Simma (ed.), *The Charter of the United Nations: A Commentary* (Oxford, Oxford University Press, 1994), C. 112.

¹ См.: Уголовный кодекс Норвегии, статья 83: «Любое лицо, неправомерно предпринимающее попытку поместить или оказать содействие помещению Норвегии или любой части ее территории под иностранное господство либо включению ее в состав другого государства, либо отделению любой части ее территории, наказывается лишением свободы на срок не менее восьми лет или заключением в тюрьму на срок не менее восьми лет и не более 21 года».

² См.: Уголовный кодекс Швейцарии, статья 266(1): «Лицо, совершающее действие, направленное на нарушение независимости Конфедерации или создание опасности для нее, на действие вмешательству иностранной державы в дела Конфедерации, создающему опасность для нее, наказывается лишением свободы на срок не менее одного года».

³ В соответствии со статьями 40 Уголовного кодекса Швейцарии, срок лишения свободы, как правило, не должен превышать двадцати лет: «Как правило, срок лишения свободы составляет не менее шести месяцев; его максимальная продолжительность составляет 20 лет. В случаях, прямо указанных в законе, лишение свободы является пожизненным».

⁴ См.: Уголовный кодекс Швейцарии, статья 266(2): «Лицо, вступающее в отношения с правительством иностранного государства или его агентами с целью развязывания войны против Конфедерации, наказывается лишением свободы на срок не менее трех лет. В наиболее тяжелых случаях может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы».

дарства“ (курсив мой – С.С.), новое международно-правовое определение преступления агрессии достаточно хорошо соотносится с определениями состава преступления, отраженными в Уголовных кодексах соответствующих государств. С учетом этого, таким государствам, возможно, даже не придется формально приводить свои национальные законы в соответствие с новым определением, поскольку степень их совместимости уже достаточно высокая.

3. «Объективная военная модель». Характерной чертой данного подхода является смещение центра тяжести при криминализации применения военной силы в международных отношениях с оценочных суждений, – поскольку такие квалификации, как «агрессивная война» или «применения силы против территориальной неприкосновенности или политической независимости» представляют собой комбинацию политических и (национальных и международных) юридических оценочных суждений, – в пользу криминализации «войны», «объявления войны» или «военных действий» и иных аналогичных явлений, поскольку они представляют собой более объективные и, соответственно, «поддающиеся измерению» юридические факты. Нормативным источником данной модели также является международно-правовой запрет применения силы, отраженный в статье 2(4) Устава Организации Объединенных Наций, – но ее определяющей характеристикой являются объективные проявления, а не субъективные цели применения силы. В то время как вторая модель требует доказывания специальных преступных целей, указанных в уголовных законах, «объективная модель» предполагает объективную квалификацию преступного характера применения силы – с момента объявления войны (в той незначительной степени, в которой оно может иметь место в наши дни) или фактического открытия военных действий до завершения международного вооруженного конфликта. В контексте данной модели ментальный элемент заключается в прямом умысле субъекта, направленном на развязывание вооруженного конфликта против другого государств, в то время как специальные цели и мотивы представляются дополнительными – хотя и, несомненно, имеющими значение – элементами субъективной стороны.

Как было указано выше в связи с «Нюрнбергской и Токийской моделью», в международном праве не существует единообразного и повсеместно признанного определения международного вооруженного конфликта. После вступления Устава Организации Объединенных Наций в силу в 1945 году объявление войны перестало быть правомерным институтом международного права – в силу статьи 2(4) Устава, – и в текст Женевских конвенций 1949 года о защите жертв войны был включен более нейтральный термин – «вооруженный конфликт»¹. Однако, Женевские конвенции не содержали

¹ В соответствии со статьей 2, общей для Женевских конвенций 1949 года, они применяются «в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего

разъяснения нового термина, а толкование, предложенное в Комментарий МККК, было слишком широким¹. Основной вопрос, – с какого момента начинается вооруженный конфликт? с первого выстрела? с момента ранения первого человека или с момента взятия первого человека в плен? – по сути, не нашел однозначного решения в международном праве. В этой связи, решение вопроса о моменте начала участия государства, которое придерживается «объективной модели», в «войне» (или «вооруженном конфликте» либо «военных действиях»), остается за самим государством, с учетом его национального законодательства. На теоретическом уровне эта проблема была отчасти разрешена с принятием 14 декабря 1974 года резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, в статье 3 Приложения к которой приводятся примеры актов агрессии. Однако, поскольку после 1974 года примеров уголовного преследования за совершение преступления агрессии – или других «родственных» ему преступлений – не было, вопрос о практической полезности резолюции 3314 (XXIX) для целей констатации момента начала вооруженного конфликта остается открытым. Напротив, теперь, когда содержание статьи 3 отражено в статье 8 bis Римского статута (пункт 2, подпункты (a) – (g)), указанные примеры актов агрессии после вступления статьи 8 bis в силу будут являться частью действующего международного права и в этом качестве представлять собой нормативные рамки для определения момента начала (предположительно, неправомерных) военных действий.

Данная модель охватывает не менее шести национальных уголовных законов. Статья 211 Уголовного кодекса Албании криминализует провокацию войны или военной интервенции². Представляется, что данная статья распространяется как на граждан Албании, так и на иностранных граждан, и криминализует провокацию войны как по инициативе Албании, так и против нее. Статья 212 также предусматривает состав преступления в виде вступления в сговор с целью осуществления военной интервенции, направленной против Албании³. Аналогичное положение, охраняющее ин-

между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже если одна из них не признает состояния войны» (курсив мой – С.С.), а также «во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления».

¹ В соответствии с комментарием в Первой Женевской конвенции 1949 года, '[л]юбое разногласие, возникающее между двумя государствами и приводящее к вмешательству вооруженных сил, является вооруженным конфликтом [...] даже если одна из сторон отрицает наличие состояния войны [...]'. См.: J. S. Pictet, *Commentary of the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field* (1952), – С. 32.

² См.: Уголовный кодекс Албании, статья 211 («Провокация войны»): «Совершение деяний с намерением спровоцировать войну или подвергнуть Республику Албания опасности [военной] интервенции со стороны иностранных государств наказывается лишением свободы на срок не менее пятнадцати лет».

³ См.: Уголовный кодекс Албании, статья 212 («Вступление в сговор с целью осуществления военной интервенции»): «Вступление в сговор с иностранными державами или государ-

тересы военных союзников Норвегии, содержится в статье 84 Уголовного кодекса Норвегии¹.

Статья 98 Уголовного кодекса Болгарии криминализирует оказание содействия иностранному государству, ведущему войну против Болгарии (часть 1) а также призывы к войне или иным враждебным актам, направленным против государства (часть 2)². Следует отметить, что Болгария криминализирует в части 1 указанной статьи не только деяния, совершенные от имени «иностранного государства», но также от имени «публичной группы» – например, такой, как Аль-Каида. Определение преступления может быть применено к любой группе, совершающей преступление против Болгарии, независимо от ее размера, структуры, мотивации, идеологии и т.д.

Соответствующие положения Уголовных кодексов Гвинеи,³ Нигера⁴ и Сенегала⁵ практически идентичны как в части определения состава преступления, так и в части санкции, предусмотренной за его совершение. Все эти нормы упоминают «объявление войны» в качестве существенного обстоятельства объективной стороны состава преступления. Из текстов статей можно сделать вывод о том, что наказуемые «враждебные деяния», не санкционированные соответствующими правительствами, включают акты как военного, так и невоенного характера, провоцирующие ответные военные меры. Также можно предположить, что значение словосочетания «объявление войны» не ограничивается его техническим значением, но также охватывает и объективное развязывание военных действий против соответствующего государства без формального объявления войны.

ствами с целью осуществления военной интервенции на территорию Республики Албания наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

¹ См.: Уголовный кодекс Норвегии, статья 84: «Любое лицо, неправомерно развязывающее или содействующее развязыванию войны или военных действий против Норвегии или любого государства, являющегося союзником Норвегии во время войны, подлежит заключению на срок не менее пяти лет или лишению свободы на срок не менее пяти лет, но не более 21 года».

² См.: Уголовный кодекс Болгарии, статья 98: «1. Лицо, оказывающее пособничество иностранному государству или публичной группе за рубежом в ведении войны или осуществлении иного враждебного акта, направленного против республики, наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

2. То же наказание применяется к лицам, совершающим деяние с целью призыва к ведению войны или осуществлению иного враждебного акта, направленного против республики».

³ См.: Уголовный кодекс Гвинеи, статья 80: «Подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет любое лицо:

1. посредством враждебных деяний, не санкционированных правительством, подвергающее Республику Гвинея объявлению войны...»

⁴ См.: Уголовный кодекс Нигера, статья 72: «Подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет любое лицо:

1. посредством враждебных деяний, не санкционированных правительством, подвергающее Нигер объявлению войны...».

⁵ См.: Уголовный кодекс Сенегала, статья 66: «Подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет любое лицо:

1. посредством враждебных деяний, не санкционированных правительством, подвергающее Сенегал объявлению войны...».

В статье 279 Уголовного кодекса Румынии отражен практически универсальный подход к криминализации войны: в первую очередь, криминализируется совершение враждебных деяний против любого государства – члена Организации Североатлантического договора, Европейского Союза или Совета Европы; кроме того, охраняется и безопасность любого другого государства, не ведущего войну против Румынии¹. Поскольку уголовное преследование в соответствии с данной статьей может осуществляться, в том числе, по ходатайству иностранного государства, можно предположить, что иностранное государство, формулируя свое ходатайство, будет руководствоваться своим собственным толкованием «агрессии» или «враждебного деяния» по смыслу международного права.

Представляется, что данная модель является в достаточной степени совместимой со статьей 8 bis Римского статута, поскольку примеры неправомерного применения военной силы, отраженные в подпунктах (a) – (g), – существенный элемент статьи 8 bis – могут быть полезны для целей толкования соответствующих положений национальных уголовных законов.

4. «Модель измены государству». В отличие от предыдущих моделей, затрагивающих внешние, международные проявления поведения государств, данная модель ставит акцент на феномене измены государству, тесно связанном с гражданством, т.е. стабильной связью между государством и его гражданами. В этой связи, данная модель – в отличие от предыдущих, – не регулируется международным правом непосредственно и по существу обусловлена соответствующими нормами *национального* уголовного права. По сути, данная модель затрагивает «враждебные» взаимоотношения между государством и его гражданами, в результате которого государство оказывается вовлеченным в международный вооруженный конфликт, либо его положение осложняется, если это государство уже находится в вооруженном конфликте с другим государством. Таким образом, соответствующие нормы криминализируют наивысшую степень измены интересам государства, создающую угрозу – в экстремальном случае – самому существованию государства.

Эта модель является достаточно популярной на национальном уровне – она отражена, как минимум, в семи из рассматриваемых уголовных законов. Так, в законодательстве Содружества Австралии нет нормы, непосредственно посвященной преступлению агрессии. Несмотря на участие

¹ См.: Уголовный кодекс Румынии, статья 279 («Враждебные деяния против иностранного государства»): «1. Совершение на румынской территории враждебных деяний против любого государства – члена Организации Североатлантического договора, Европейского Союза или Совета Европы наказывается лишением свободы на срок от 7 до 10 лет и лишением определенных прав.

2. То же наказание применяется за совершение враждебных деяний, направленных против безопасности иных государств, помимо указанных в части 1, не ведущих войну против Румынии.

3. Уголовное преследование осуществляется по ходатайству иностранного государства».

Австралии в Пакте Бриана-Келлога 1928 года, законодательство Австралии не содержит соответствующей нормы. Однако, в ряде актов законодательства упоминаются преступления, сопряженные с войной против государства – например, статья 80(1) Уголовного кодекса гласит:

Лицо совершает преступление, называемое изменой, если оно: ... (d) развязывает войну или совершает любое деяние, направленное на развязывание войны против Содружества; или (e) обладая намерением оказать содействие, участвует в совершении любого деяния, посредством которого оказывается содействие противнику: (i) с которым Содружество находится в военных взаимоотношениях, независимо от того, было ли объявлено состояние войны; и (ii) при наличии Прокламации, посредством которой для целей настоящего пункта констатируются военные взаимоотношения между противником и Содружеством; или (f) обладая намерением оказать содействие, участвует в совершении любого деяния, посредством которого оказывается содействие: (i) другому государству; или (ii) организации, участвующей в ведении военных действий против Вооруженных сил Австралии; или (g) подстрекает лицо, не являющееся гражданином Австралии, к совершению вооруженного вторжения в Содружество или на территорию, принадлежащую Содруеству; или (h) формирует намерение совершить любое из деяний, указанных в предыдущих пунктах, и проявляет это намерение путем совершения объективного деяния.

В соответствии со статьей 80(1), за совершение данного преступления предусматривается пожизненное лишение свободы.

Статья 8 Закона Бразилии «О национальной безопасности» от 14 декабря 1983 года¹ также предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет за вступление в сговор или ведение переговоров с иностранным правительством, группой или их агентами с целью спровоцировать войну или враждебные акты против государства. В случае, если война развязывается или враждебные акты имеют место фактически, срок лишения свободы удваивается. В соответствии со статьей 9, покушение на помещение территории государства или ее части под контроль или суверенитет другого государства наказывается лишением свободы на срок от четырех до двадцати лет. Если такое покушение приводит к причинению тяжких телесных повреждений, срок лишения свободы увеличивается на треть, а в случае причинения смерти кому-либо – увеличивается вдвое. В соответствии со статьей 10 Закона «О национальной безопасности», лицо, призывающее иностранную державу осуществить вторжение на территорию государства, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, а в случае фактического вторжения – на вдвое больший срок.

¹ Текст Закона опубликован по адресу: <http://www.planalto.gov.br/ccivil/LEIS/L7170.htm#art35> (последнее посещение – 21 октября 2010 года).

Если бы статьи 1 и 2 Главы 19 Уголовного кодекса Швеции¹ и статья 271 Уголовного кодекса Румынии² не назывались недвусмысленно «Измена государству», их можно было бы отнести к «модели территориальной неприкосновенности и политической независимости», рассмотренной выше. Особенно очевидно, что статья 271 Уголовного кодекса Румынии охраняет единство и неделимость государства, суверенитет и независимость, а также обеспечивает уголовно-правовыми средствами иммунитет государства от иностранной военной оккупации, причинения ему экономического или политического ущерба, подрыва способности государства осуществлять самооборону в случае вооруженных нападений со стороны иностранных государств. Вместе со статьей 279 («Враждебные деяния против иностранного государства», см. выше) данная статья сводит риск участия Румынии в международном вооруженном конфликте к минимуму – за исключением случаев исполнения обязательств, проистекающих из ее обязательств по международному праву.

Статья 411(4) Уголовного кодекса Франции³ указывает на значительный круг иностранных юридических и физических лиц, вступление во враждебный Франции сговор с которыми влечет уголовную ответствен-

¹ См.: Уголовный кодекс Швеции, Глава 19 («О преступлениях против безопасности государства»): «Статья 1: Лицо, применяющее насильственные или иные неправомерные средства или действующее с иностранной помощью с намерением поместить государство под иностранное господство или в зависимость от иностранной державы, либо с целью отделения части государства таким образом, и предпринимающее действие, создающее опасность реализации такого намерения, подлежит наказанию за измену в виде лишения свободы сроком на десять лет или пожизненно, либо, в случае незначительной опасности, на срок от четырех до десяти лет...

Статья 2: Лицо, применяющее насильственные средства или действующее с иностранной помощью и создающее опасность вовлечения государства в войну или иные военные действия, если его деяние не представляет собой измену, подлежит наказанию за призывы к войне в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет».

² См.: Уголовный кодекс Румынии, статья 271 («Измена государству»): «Деяние румынского гражданина, лица без гражданства, проживающего в Румынии или иностранца, работающего в пользу румынского государства, состоящее в установлении отношений с иностранной державой или организацией либо их агентами в целях уничтожения либо подрыва единства, неделимости, суверенитета или независимости государства, совершаемое путем призыва к войне против государства или содействия иностранной военной оккупации, либо путем экономического или политического давления или подрыва способности государства к самообороне, либо путем подчинения иностранной державе наказывается пожизненным лишением свободы либо лишением свободы на срок от 15 до 25 лет с лишением определенных прав».

³ См.: Уголовный кодекс Франции, статья 411(4): «Передача сведений иностранной державе, иностранному предприятию или организации или предприятию или организации, находящейся под иностранным контролем, или их агентам с целью провокации военных действий или актов агрессии против Франции наказывается лишением свободы сроком на тридцать лет и штрафом размером в 450,000 евро.

То же наказание применяется за предоставление средств иностранной державе, иностранному предприятию или организации или предприятию или организации, находящейся под иностранным контролем, или их агентам для развязывания военных действий или совершения актов агрессии против Франции».

ность граждан Франции. Этот иллюстративный список субъектов включает «иностранные державы, иностранные предприятия или организации или предприятия или организации, находящиеся под иностранным контролем, или их агентов». С другой стороны, статья 81 Уголовного кодекса Японии¹ формально упоминает только «иностранные государства», но не других субъектов. Однако, представляется, что на практике статья 81 будет затрагивать круг субъектов, сравнимый с кругом субъектов, упомянутых в статье 411(4) Уголовного кодекса Франции, поскольку абстрактное «иностранное государство» – без участия его агентов или соответствующих организаций – не обладает способностью причинить ущерб национальным интересам Японии. Представляется, что на практике данное положение охватывает физических и юридических лиц, представляющих иностранное государство либо действующих от его имени, при его поддержке или с его одобрения, включая формально негосударственных субъектов, если связь между их деяниями и иностранным государством будет доказана.

Небезынтересный перечень параллелей между деяниями, приводящими к развязыванию войны или связанными с ней иным образом, и изменой содержится в Главе 6 Уголовного кодекса Нигерии². Эти положения являются всеобъемлющими, поскольку они криминализируют подготовку к «любой» войне или военным действиям (статья 42) и выделяют особо наказуемые смертной казнью войны против государства с целью запугивания или смещения президента или губернатора штата (статья 37(1)). Все соответствующее статье в этой Главе начинаются со слов «любое лицо», что не-

¹ См.: Уголовный кодекс Японии, статья 81 («Подстрекательство к иностранной агрессии»): «Лицо, вступающее в сговор с иностранным государством и тем самым помогающее этому государству в применении военной силы против Японии наказывается смертной казнью».

² См.: Уголовный кодекс Нигерии, Глава 6 («Измена государству и некоторые другие преступления»): «37. (1) Любое лицо, развязывающее войну против государства с целью запугивания президента или губернатора штата, виновно в измене государству и подлежит наказанию в виде смертной казни.

(2) Любое лицо, вступающее в сговор с любым лицом в Нигерии или за ее пределами для развязывания войны против государства с целью развязывания такой войны, которая представляла бы собой измену государству, если бы это деяние было совершено гражданином Нигерии, виновно в измене государству и подлежит наказанию в виде смертной казни.

(3) Ничто в настоящей статье не препятствует квалификации любого деяния в качестве измены государству в соответствии с правом Англии, действующим в Нигерии.

38. Любое лицо, подстрекающее любого иностранца к вторжению в Нигерию военной силой, виновно в измене государству и подлежит наказанию в виде смертной казни...

42. Любое лицо, не обладающее на то законными полномочиями, осуществляет, готовится к осуществлению или содействует или оказывает консультации при осуществлении или подготовке к любой войне или военным действиям совместно с любым традиционным лидером либо против него или совместно с любой группой граждан или против них, виновен в совершении преступления и подлежит наказанию в виде пожизненного лишения свободы.

43. Лицо не может подвергаться судебному преследованию за измену государству или за любое преступление, предусмотренное в трех предыдущих статьях, если со времени совершения правонарушения прошло больше двух лет».

двусмысленно подчеркивает намерение Нигерии защитить себя от *любого* военного посягательства, спровоцированного внутри государства или извне (это условие упомянуто особо в статье 37(2)). В этом смысле, защитная позиция Нигерии является практически абсолютной и выражается в квалификации любых попыток вовлечь Нигерию «без законных полномочий» в вооруженный конфликт в качестве особо опасного преступления против государства.

Заключение. Вполне вероятно, что новому международному определению преступления агрессии для целей Международного уголовного суда придется выдержать испытание не только на совместимость с соответствующими нормами международного права, но также и с нормами актов национального законодательства, в которых государства отражают свои официальные позиции по отношению к данному вопросу. В некотором смысле, предположение об отношении государств – участников Римского статута к новому определению преступления агрессии можно сделать из их соответствующих подходов к криминализации неправомерного применения силы на национальном уровне. Официальные позиции государств – участников Римского статута, которые еще не ввели в действие нормы национального законодательства, посвященные преступлению агрессии – таких, как Бельгия, Демократическая Республика Конго, Мальта или Монголия, – предсказать сложнее. Кроме того, государства, в законодательствах которых присутствуют нормы, посвященные преступлению агрессии, также достаточно часто криминализируют и пропаганду войны, – что по сути усиливает запрет агрессии, в особенности, на стадиях планирования, подготовки или инициирования. Соответствующие статьи, содержащиеся, например, в Уголовных кодексах Финляндии,¹

¹ См.: Уголовный кодекс Финляндии, Глава 2 («Преступления, связанные с изменой государству»), Статья 2 («Пропаганда войны»): «Если лицо, находящееся в Финляндии или гражданин Финляндии, находящийся за ее пределами, в условиях фактического или неминуемого военного кризиса или международного политического кризиса, действуя с целью вовлечения Финляндии в войну или обращения ее в объект военной операции:

(1) публично призывает иностранное государство к осуществлению нападения на Финляндию или призывает Финляндию к осуществлению нападения на иностранное государство;

(2) публично распространяет заявления или иную пропаганду, направленную на формирование общественного мнения в пользу осуществления таких нападений;

(3) систематически распространяет заведомо необоснованную или вводящую в заблуждение информацию об обороне Финляндии или политике Финляндии в сфере военного дела или политики безопасности; или

(4) неправомерно совершает акт насилия против иностранного государства или представителя, территории или собственности иностранного государства, существенно повышающий опасность вовлечения Финляндии в войну или обращения ее в объект военной операции, – такое лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет за пропаганду войны»».

Грузии¹, Германии², Венгрии³, Латвии⁴ или Таджикистана⁵ свидетельствуют об этом. Представляется, что большинство государств – участников Римского статута, национальные законодательства которых уже содержат положения о криминализации неправомерного применения силы, должны содействовать вступлению статьи 8 bis Римского статута в силу, в то время как другие государства – участники Статута сформулируют свои официальные позиции независимо от этого фактора. В свою очередь, можно ожидать, что принятие международно-правового определения преступления агрессии в ближайшие годы окажет влияние на развитие уголовного законодательства в части пресечения преступления агрессии в государствах – участниках Статута, в которых соответствующие нормы на данный момент отсутствуют.

¹ См.: Уголовный кодекс Грузии, статья 405 («Призывы к развязыванию агрессивной войны»): «1. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, – наказываются штрафом или лишением свободы на срок до трех лет.

2. Те же деяния, совершенные с использованием средств информации или лицом, занимающим государственно-политическую должность, – наказываются штрафом или лишением свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать должности или заниматься деятельностью на срок до трех лет».

² См.: Уголовный кодекс Германии, статья 80a («Подстрекательство к агрессивной войне»): «Кто в пространстве действия этого закона публично, на собрании или путем распространения письменных материалов (§11 абз. 3) подстрекает к агрессивной войне (§ 80), наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет».

³ См.: Уголовный кодекс Венгрии, статья 153 («Подстрекательство к войне»): «(1) Лицо, подстрекающее к войне или иным образом пропагандирующее войну, совершает преступление и подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от двух до восьми лет.

(2) В случаях, когда преступление совершается с использованием средств массовой информации, назначается наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

(3) Лицо, осуществляющее подготовку к пропаганде войны, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до трех лет за совершение преступления».

⁴ См.: Уголовный кодекс Латвии, статья 77 («Призыв к агрессивной войне»): «Публичный призыв к агрессивной войне или развязыванию военного конфликта, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет».

⁵ См.: Уголовный кодекс Таджикистана, статья 396 («Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»): 1. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, наказываются штрафом в размере от пятисот до одной тысячи минимальных размеров заработной платы либо лишением свободы на срок от двух до пяти лет.

2. Те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации, или лицами, занимающими государственные должности Республики Таджикистан, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

Примечание: Перечень лиц, занимающих государственные должности Республики Таджикистан, определяется законодательством Республики Таджикистан».